XX 63/11

МУРЗИЛКА

№ 3

ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА
ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА ДЛЯ ОКТЯБРЯТ

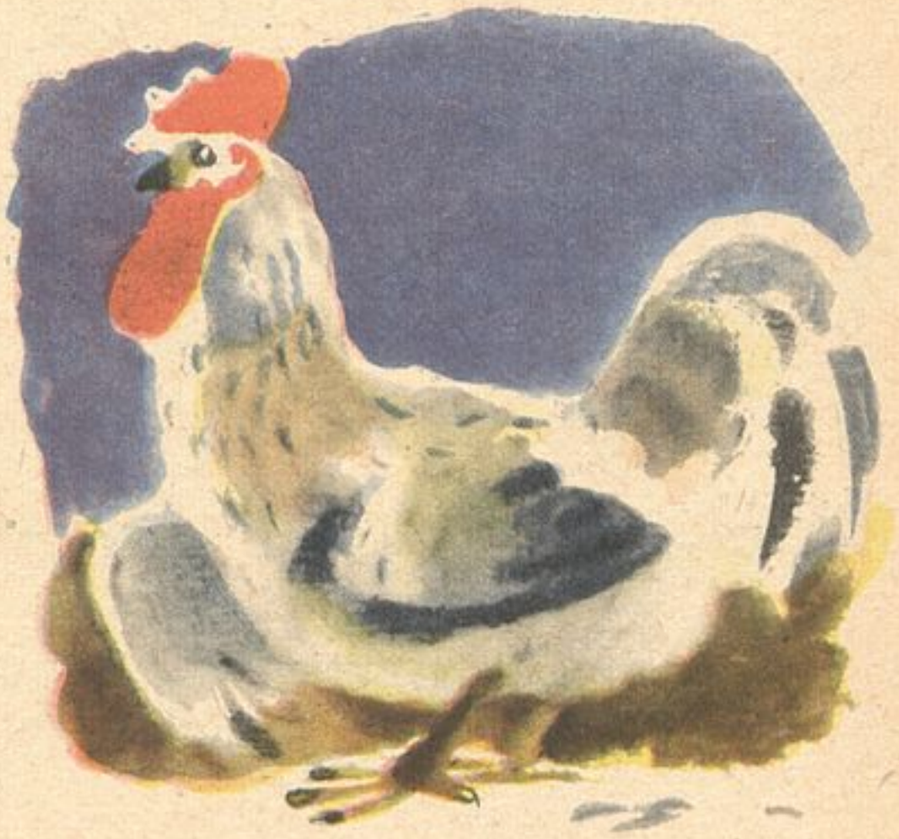
МАРТ
1962

ВСТРЕЧАЕМ ВЕСНУ. *Рис. А. ПАХОМОВА*

П-63-2748

СОЛНЕЧНАЯ КАПЛЯ

Э. ШИМ *Рис. Е. МОНИНА*



«Дон!..»
«Динь!..»
«День!..»

С крыши, с прозрачных сосулек падают вниз капли. Они вспыхивают под солнцем, переливаются красными, синими, жёлтыми огоньками.

Кажется, что не холодная вода капает, а летят горячие солнечные брызги.

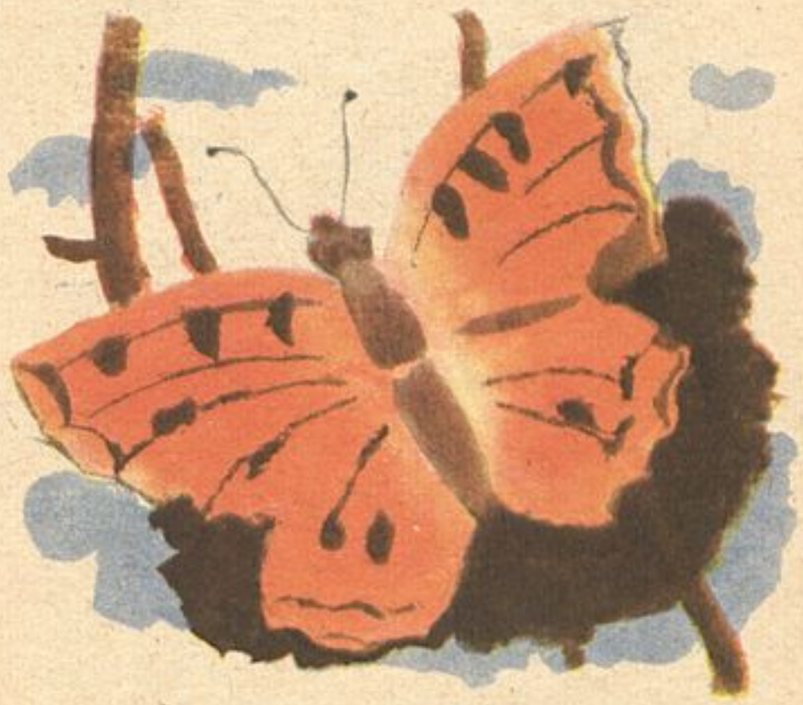
Воробьи искупались в этих брызгах и затрещали, заголосили по-весеннему радостно.

Белый петух напился из солнечной лужицы — тряхнул гребнем, крыльями зачертил, как лесной забияка тетерев.

Я выбежал из дому, и капля упала мне на лицо. Хотел я вытереть глаз — и вдруг замер. На какой-то миг, пока я смотрел сквозь каплю, всё кругом изменилось: засияло, засверкало, затрепетало радужными огнями...

И небо, и землю, и снежные поля — весь мир осветила и зажгла крохотная солнечная капля.

ВЕСНА ПОД ЗАМКОМ



Пригрело солнышко, над проталинами первые бабочки закружились. Подумали, уже весна.

Летит бабочка-крапивница, ищет весенние цветы. А их ещё не видать. Кое-где снег лежит, кое-где прошлогодняя трава рыжеет, кое-где чёрная земля подсыхает, курится паром.

И вдруг зазеленело впереди. Летит бабочка, видит — листья зелёные, между листьями золотые граммофончики цветов. Огурцы растут!

Подлетела ближе, хлоп! — и села на стекло.

Огурцы-то, оказывается, под стеклянной крышей, в теплице, в тёплом доме цветут. И от снега закрыты, и от холодных ветров, и от заморозков.

У них своя весна. Постоянная.

КОРОВЫ И ТЕЛЯТА

Когда весной в первый раз выгоняют стадо, коровы очень волнуются. Трусят по выгону, толкаются, мычат. Всем охота поскорее на луг выбежать.

А что с телятами делается! Они ведь ещё ни зелёной травы не видели, ни такого раздолья, ни такого ясного солнышка в небе...

Задерут телята хвосты торчком, взбрыкивать начнут, кружиться, друг за дружкой скакать. Прямо себя не помнят!

Я увидел это и спросил у дяди Гриши:

— Что с ними такое?

— А это, — сказал дядя Гриша, — у них телячий восторг.

ЦЫПЛЁНОК

Птичница тётя Нюся вернулась с работы и плачет.

— Что с вами, тётя Нюся?

— Да как же... Коршун утром цыплёнка утащил... Только я отвернулась — хвать! — и понёс... Бегу, кричу, а он так и не выпустил. До чего жалко!

И долго не может успокоиться. Уже стемнело, ребятишки спать легли, а тётя Нюся сидит на крыльце и нет-нет да и всхлипнет.

— Всё жалеете?

— Жалею.

— Да на ферме-то, наверно, тыщ десять этих цыплят!

— Ну так что? Если много, так одного и жалеть не стоит?

СКОЛЬКО КРОЛИКОВ

Соседская девочка Танюшка ухаживает за кроликами — то им клевер носит, то картошку варёную, то капустный лист.

Весной я спросил:

— Танюша, сколько у ваших ребят кроликов?

— Много, — ответила Танюшка. — Четырнадцать штук!

Через несколько дней приходит и говорит:

— Теперь уже тридцать шесть.

Ещё через месяц говорит:

— Уже семьдесят с лишним!

А когда мы встретились осенью и я спросил, сколько стало кроликов, Танюшка сказала:

— Не знаю.

— Как же так?

— А мы ещё такие числа не проходили.

УТИНЫЕ ЗОНТИКИ

Уж кому с водой дружить, как не уткам!

Целый день в воде плавают, плещутся, ныряют. Корм из-под воды достают.

Недаром же водоплавающая птица!

И вдруг нате вам: маленькие утята воды боятся. У них, у желторотых утят, спинки ещё голые, без пёрышек. И когда льёт дождик, утятам холодно.

Встанут столбиками, шейки вытянут, пищат: «Помогите!..»

Даже заболеть от дождя могут.

Мы из фанеры смастерили такие навесы, вроде зонтиков. И теперь, едва начинается дождь, утята бегут под «зонтики».

Водоплавающие, а мокнуть не хотят!

БУКЕТ В МИЛЛИОН ЦВЕТОВ

Н. НАДЕЖДИНА

Рис. В. ЧИЖИКОВА

Живые цветы — это красота и радость.

Мы дарим их тем, кого любим. Мы отмечаем цветами наши торжественные дни.

Два года назад первого сентября мне случилось быть в городе Риге. По главной улице двигалось шествие: мальчики и девочки с белыми астрами, с алыми гвоздиками, с великолепными гладиолусами в руках.

Такой установлен в Риге обычай. Каждый первоклассник в первый день своей школьной жизни кладёт к памятнику Ленину цветы.

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
имени
В. И. ЛЕНИНА
1962 г.

Вся площадь перед памятником была устлана цветами. Вся она была как сад.

Я видела ребячьи цветы и у памятника Ленину в Ленинграде. В садике перед Смольным пионерский отряд принимал в свои ряды октябрят. И каждый октябрёнок, впервые повязавший красный галстук, ставил у подножия памятника Ленину выращенный им цветок.

Московские пионеры дарили цветы героям космоса. Москва встречает цветами прибывающих с визитом дружбы добрых гостей.

Когда мы видим на улице человека с букетом, мы думаем: он идёт в дом, где сегодня семейный праздник. Нет лучше подарка ко дню рождения, чем живые цветы.

В этом году будет справляться особенный день рождения: день рождения всей нашей пионерской организации. И уж, конечно, именинники-пионеры получат от октябрят тысячи букетов в знаменательный день 19 мая.

В средней полосе России в эту пору расцветают похожие на жёлтые розочки купальницы. Кто живёт южнее, тот принесёт тюльпаны, нарциссы, ирисы, ландыши, сирень.

Но, кроме этих букетов, хорошо подарить пионерии такой букет, который будет красивым и свежим не неделю, а месяцы — целое лето. Что же это за букет! Это цветы на клумбе в честь сорокалетнего юбилея пионерской организации, посаженные октябрятами на своём дворе.

Надо уже к этому готовиться: выбрать место для клумбы, достать семена. Бывают цветы низенькие, бывают высокие: надо уметь посадить их на клумбе, чтобы все они были видны и чтоб сочетание красок было красивым.

Надо подобрать цветы так, чтобы, когда одни отцветают, зацвели другие, чтобы октябрятская клумба всё лето радовала глаз.

Если октябрята дружно возьмутся за дело, будут цветы на каждом дворе. А если их сложить все вместе, получится букет в миллион цветов.

Разве это не чудесный подарок пионерии от младших друзей — октябрят!!

ФЕСТИВАЛЬ ЦВЕТОВ

Перед тобой цветы самых разных стран. Выбери для своей клумбы те, которые тебе понравятся.

Семена календулы, мака, маттиолы, душистого горошка, космеи ты посеешь на клумбу весной.

Львиный зев, астры, петунию, табак будешь высаживать на клумбу кустиками — рассадой. Достань рассаду в школе или вырасти в ящике на своём окне.

КИТАЯНКА АСТРА

Если на клумбе распустится астра, она как бы передаст советским ребятам привет из Китая. Оттуда же родом пион, китайская гвоздика, диликтра, чьи цветы по форме похожи на сердце. Диликтру по-русски так и называют — «пылающее сердце».

А цветок астры похож на лучистую звёздочку. В Европе китайский цветок назвали «астра», что по-латыни значит «звезда».

МЕКСИКАНЕЦ ГЕОРГИН

Много ярких цветов родом из Мексики: цинии, бархатцы, космея (по-русски — «красотка») и нарядный георгин.

У разных растений разные привычки к свету. На юге после захода солнца сразу же наступает темнота. Там нет длинных светлых вечеров, как у нас летом на севере. Южное растение не зацветёт, пока не получит двенадцатичасовую тёмную ночь.

И ты можешь устроить мексиканцу георгину нужную ему тёмную ночь. В течение трёх недель закрывай его всходы фанерным ящиком с семи вечера до семи утра. Твой георгин зацветёт на месяц-полтора раньше, не дожидаясь осени, когда ночи на севере становятся и длинней и темней.

ИНДИЕЦ ДУШИСТЫЙ ГОРОШЕК

Прекрасно растёт в наших северных садах. Его яркие лепестки воздушны, как крылья бабочек. У него нежный аромат. Это цветок-верхолаз. Ему нужна подпорка или туго натянутая верёвочка, чтоб он мог по ней ползти.

ПЕРУАНКА НАСТУРЦИЯ

Привезена к нам из Южной Америки — из Перу. Многие ребята любят её огненные цветы.

Бывают настурции низенькие, бывают высокие, с длинными стеблями. Красиво, когда эти длинные стебли свисают из каменных ваз или обвивают балкон.

ГРЕЧАНКА МАТТИОЛА

На вид невзрачная, но чудесно пахнут вечером её бледно-сиреневые цветы. Пусть и на твоём дворе, где вечером отдыхают люди, слышится аромат маттиол.

АВСТРАЛИЕЦ ДУШИСТЫЙ ТАБАК

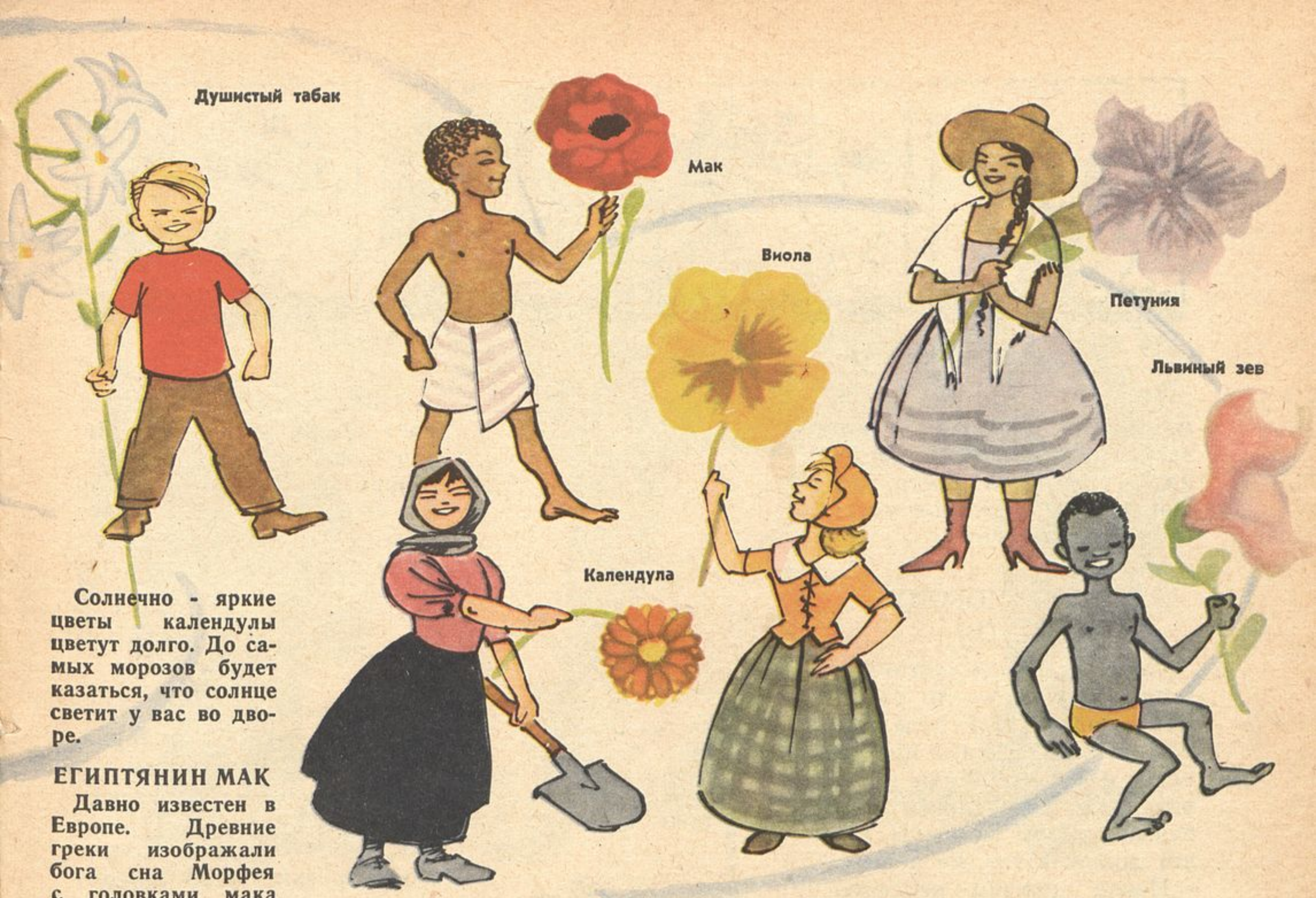
Тоже вечерний цветок. В сумерках раскрываются его белые цветы.

Он удобен тем, что может расти и в тени.

ИТАЛЬЯНКА КАЛЕНДУЛА

Встречается в диком виде по всей Южной Европе. Садовая календула по-русски называется ноготки.

Из календулы приготовляют лекарства. Она даёт оранжевую окраску, которой подкрашивают маргарин.



Солнечно - яркие цветы календулы цветут долго. До самых морозов будет казаться, что солнце светит у вас во дворе.

ЕГИПТЯНИН МАК

Давно известен в Европе. Древние греки изображали бога сна Морфея с головками мака в руках.

Мелкие семена мака сеют вместе с песком. Если же ты примешаешь к ним семена полевых васильков и ещё прибавишь немного семян полынка (по-латыни «эшшольция»), у тебя получится разноцветный лужок, на котором будут пестреть красные, синие, жёлтые и белые цветы.

АФРИКАНЕЦ ЛЬВИНЫЙ ЗЕВ

Один из самых наших любимых летников.

Если у рассады стебелёк тёмно-красный — значит на кустике расцветут красных оттенков цветы. Если же стебелёк у рассады светло-зелёный, и цветы будут светлые: розовые, лимонно-жёлтые или белые как снег.

Львиный зев любят за разнообразие красок и за то, что он долго цветёт.

АРГЕНТИНКА ПЕТУНИЯ

Тоже славится долгим цветением. Особенно обильно цветут мелкоцветные петунии: малиновые — «зарево», белые — «снежный колокольчик» и лиловые — «какаду».

Петуния привезена к нам из Южной Америки, из Аргентины.

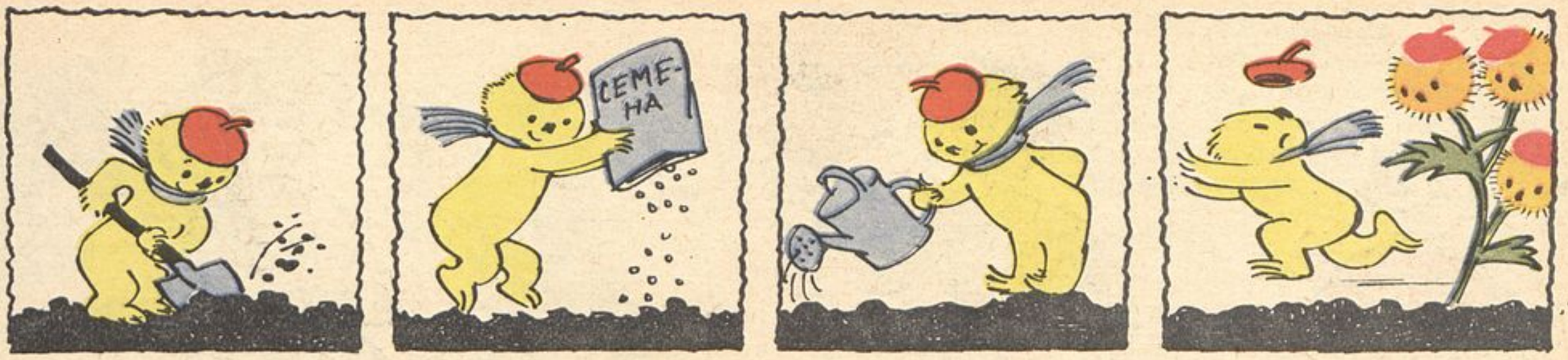
АНГЛИЧАНКА ВИОЛА

По-латыни этот цветок называется «виола триколор» — фиалка трёхцветная, по-русски — анютины глазки. Садовая виола выведена в Англии более ста лет тому назад.

Весной виолу высаживают на клумбу рассадой. Но если ты летом, числа 15—20 июля, посеешь на грядку её семена, будущей весной тебе уже не нужно хлопотать о рассаде. К осени у тебя будут кустики с бутонами. Укрой их на зиму палым листом.

И на следующий год прямо из-под снега в начале мая на твоей клумбе зацветут крупные бархатные анютины глазки, которые ты вырастил сам.

ОТВЕТЬ МУРЗИЛКЕ



ОТВЕЧАЮТ ЦВЕТЫ

Много любопытного можно узнать, наблюдая летом за цветами в саду, в поле и на лугу. Вот, например, два вопроса, на которые могут тебе ответить цветы.

КАКУЮ ПОГОДУ ЖДАТЬ?

Спроси об этом кустик самого обыкновенного растения — мокрицы. Его ты найдёшь и возле дома, и на огороде, и в саду. Если в девять утра не «проснулся» белый цветок мокрицы, будет дождь в тот же день.

Перед дождём особенно сильно пахнут цветы жимолости, а в цветах жёлтой акации столько мёда, что пчёлы над ними так и гудят.

Красноголовый клевер, складывая листочки, предупреждает о приближении бури. Вьюнок закрывает свои «граммофончики» в пасмурный день.

Забавнее всех предсказывает погоду чертополох. Перед дождём он «добрый» — головка у него мягкая. Если же чертополох уколол твой палец — не сердись. Стоит ли сердиться, когда впереди ясный, солнечный день!

КОТОРЫЙ ЧАС?

— Четыре часа утра! — отвечает голубой цикорий, открывая свои лепестки.

В это же время в лесу просыпается шиповник. Цикорий, козлобородник, шиповник встречают утро раньше других.

— Который час?

— Пять утра! — это уже ответ алого мака.

В шесть утра просыпаются ястребинка зонтичная и осот полевой. Белые кувшинки раскрываются в семь утра, а золотистые ноготки (вот сони!) просыпаются только в девять.

В два часа дня смыкает свои голубые лепестки цикорий, в пять часов дня закрываются кувшинки, шиповник бодрствует до восьми часов вечера, смолёвка — до девяти.

Понаблюдай, когда в твоём саду, в поле, на лугу раскрываются и закрываются цветы. Составь цветочные часы для своей местности. В солнечный день они работают точно, но в пасмурный — не взыщи — отстают.

1. Как тебя зовут?

_____

2. Где ты живёшь?

_____

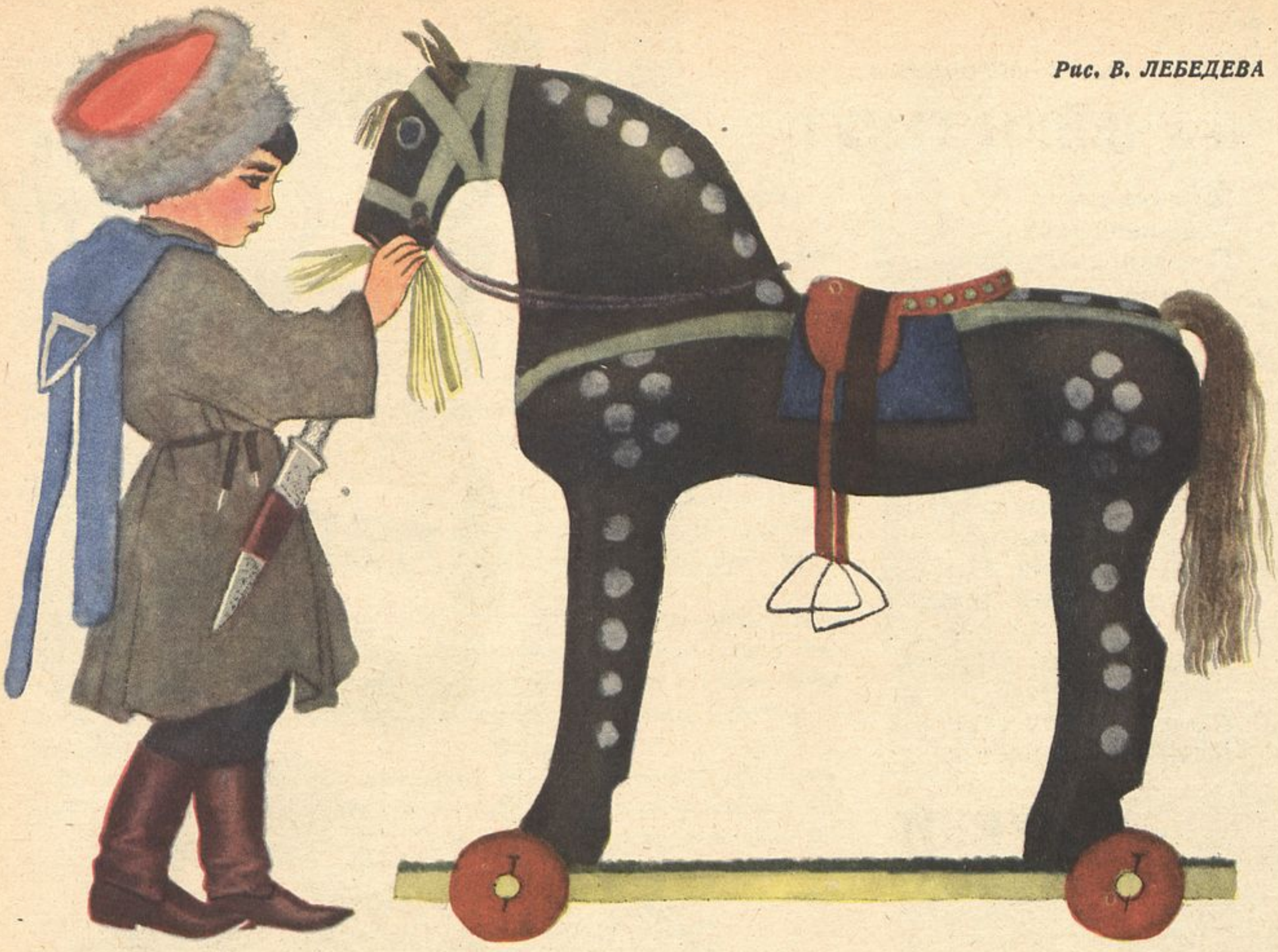
3. Какие цветы ты любишь?

_____

4. Как твоя звёздочка сажала цветы?

_____

Рис. В. ЛЕБЕДЕВА



Людмила ЗУБКОВА

СОЛНЦЕ

Солнце льёт янтарный мёд
Из своей кадушки
И ребятам раздаёт
Яркие веснушки.

Чертит классы на земле,
Скачет, как девчонка.
Нежит в ласковом тепле
Глупого галчонка.

Солнце радо погулять,
Светит до заката
И не хочет засыпать,
Как и все ребята.

Рис. В. ДУВИДОВА

Платон **ВОРОНЬКО**

РУЧЕЙКИ ТЕКУТ

Ручейки текут,
Белу пену ткут.
По низинам-луговинам
Ручейки текут

— Ручейки-ручьи,
Ручейки-ткачи!
Вы натките нам платочков,
Ручейки-ручьи!

— Мы платков не ткём.
Мы ленок польём.
Из него обновки детям
Будут в каждый дом.

Ручейки текут,
Белу пену ткут.
А в низинах-луговинах
Льны растут, цветут.

ЖМУРКИ

(Считалочка)

С поля,
С моря,
С дальних гор
Ветры к нам летят во двор.
Первый ветер вербу мнёт.
А второй берёзу гнёт.
Третий ветер дуб ломает,
Тучу пыли подымает.
Ты глаза не засори,
Отвернись и не смотри.
Разлетимся мы, как ветры.
Раз,
два,
три!

Перевела с украинского
З. Александрова

Рис. М. МЕЖЕНИНОВА

НА ПОМОЩЬ

Юрий КАЗАКОВ *Рис. А. ЕРМОЛАЕВА*

В прошлом году с приятелем провели мы два дня на тоне у рыбака на Зимнем берегу Белого моря — хотели посмотреть, как ловят рыбу.

Невод осматривали мы ночью, когда море тихо оставило берег и ушло, всё обнажив: комки водорослей, камни и песок, — было время отлива. Удивительное дело эти отливы! Там, где гуляли волны, вырастают камни, чёрные и мокрые. На камнях спят чайки, и далеко заметна их белизна.

Так вот, пошли мы ночью к неводу. Море ушло, и весь он стоял на суше, на длинных кольях. Поблескивали в нём на дне лужицы, и в этих лужицах чернела, трепетала, билась и брызгалась рыба сёмга и горбуша.

Сёмгу здесь ловили всегда, может быть лет пятьсот уже, а горбуша появилась первый год. Все знают, что водится она у нас только на Дальнем Востоке. Неужели пришла она в Белое море через Великий Северный путь? Или вокруг Индии, Африки и Европы?

Но дело объяснилось просто: икру горбуши привезли на Кольский полуостров, вывели из неё мальков, выпустили в море, и вот теперь она так выросла, что и от сёмги трудно было отличить.

Так мне и запомнилось, как чудо, это необыкновенное путешествие горбуши на самолётах.

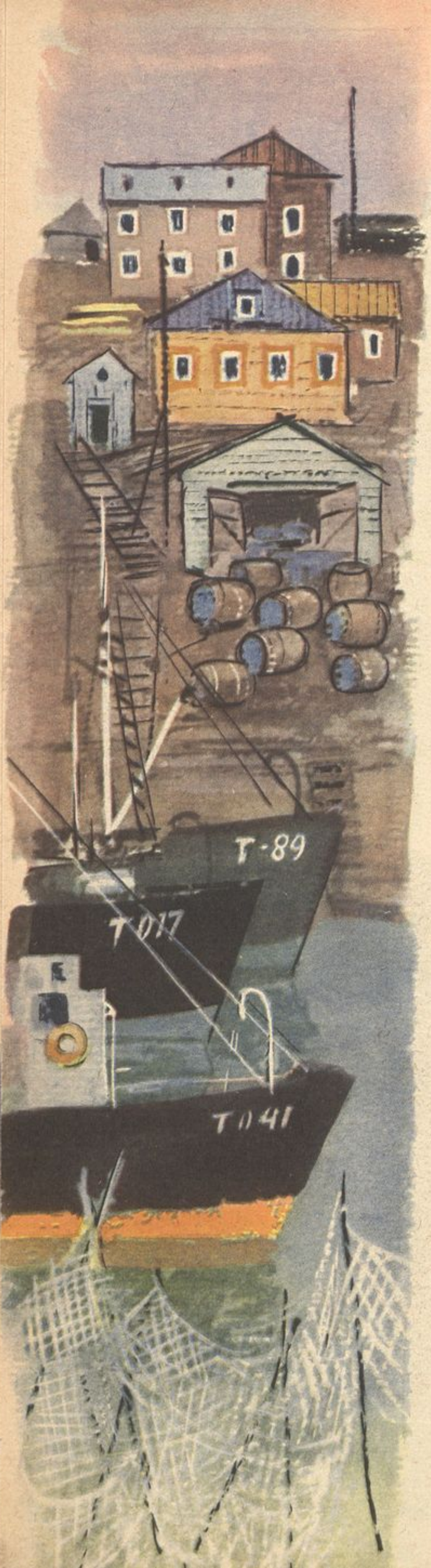
А ещё через неделю мы ждали парохода в деревне Ручьи, очень соскучились по дому и поэтому не слезали с высокой горы, не выпускали из рук бинокля, всё выглядывали пароход.

Тогда-то я и заметил далеко на горизонте голубую туманную гряду. Долго я глядел на неё, потом спросил, сказали — это берег Кольского полуострова; мне вообразились дикие реки, водопады, скалы и мох, олени, тундра, и ужасно мне захотелось там побывать, но ничего нельзя было поделать, а только глядеть в манящую даль.

Попал я туда через год, опять летом, и всё увидел, что хотел, — лесозаводы, деревянные городки в заливах, деревни, — летал на самолётах, пил чай в чумах, трогал настоящих оленей, их бархатные рога.

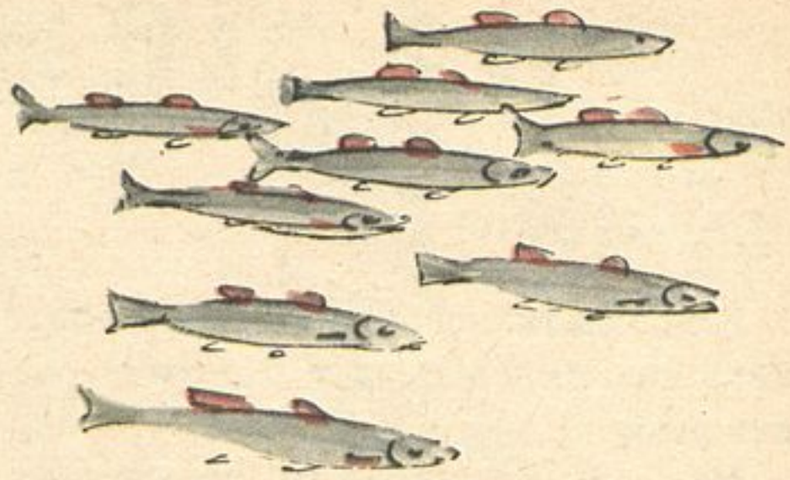
Познакомился я в Умбе с Иваном Ивановичем Михайловым — директором рыбозавода.

Рассказывал мне Иван Иванович о том, как рыбу ловят, солят, везут в Умбу, какие где бригады и уловы, и вдруг обмолвился, что есть ещё у них и рыбоводный завод. Сразу я вспомнил прошлый год, ночь у невода, горбушу и как потом глядел в бинокль на го-



лубую полоску Кольского полуострова.

— Как?! Где? — закричал я. — Так это здесь её разводят! Покажите!



Со стоном и шумом течёт река Умба в Белое море. У самого устья разбивается она на два рукава. На главном рукаве лежит деревня — так и называется Умба, — сопки прижали её к самой реке, и в воде на сваях стоят амбары, бани, к сваям причалены карбасы, а дома, где люди живут, чуть повыше.

Очень красивая река в невысоких горах, с каменным порожистым дном, и река эта — родина сёмги.

В верховьях этой реки, километрах в трёхстах от берега, в горном чистом озере зарождается сёмга, растёт там и, когда приходит пора, спускается в море и уходит на много лет в иные моря за тысячи миль, растёт и крупнеет, наливается упругой мощью. Но вот ударяет час, настаёт таинственная минута, когда все стада, все косяки сёмги где-нибудь возле Канады или Гренландии охватываются беспокойством и, подчиняясь зову родины — этой самой речки Умбы, которая в такой дали от них, что и подумать страшно, — начинают двигаться домой. Они попадают в разные течения, окунаются в великий Гольфстрим, пересекают океаны, входят в горло Белого моря и достигают после долгих дней пути реки Умбы.

Они не едят, они не могут есть, челюсти их крюками загибаются внутрь, они одержимы одним желанием — попасть в озеро, где когда-то родились сами, и выметать там икру.

Днями и неделями, сгрудившись, стоят они под порогами и водопадами, вода сбивает их, сносит, но они прыгают и прыгают вверх, выбиваются из сил, отдыхают, снова прыгают и как бы кричат: «На помощь! На помощь!»

Сколько их гибнет от истощения и усталости, сколько не доходит до цели! А те, кто доходит, так истощены, что, когда вымётывают икру, сами погибают. Немногие выживают, а выжившие уж и на сёмгу не похожи, и

называют их «лох». Год, наверное, нужен им, чтобы снова окрепнуть и вернуться в море, чтобы опять уйти в неизмеримую тёмно-голубую даль и через положенное время снова вернуться.

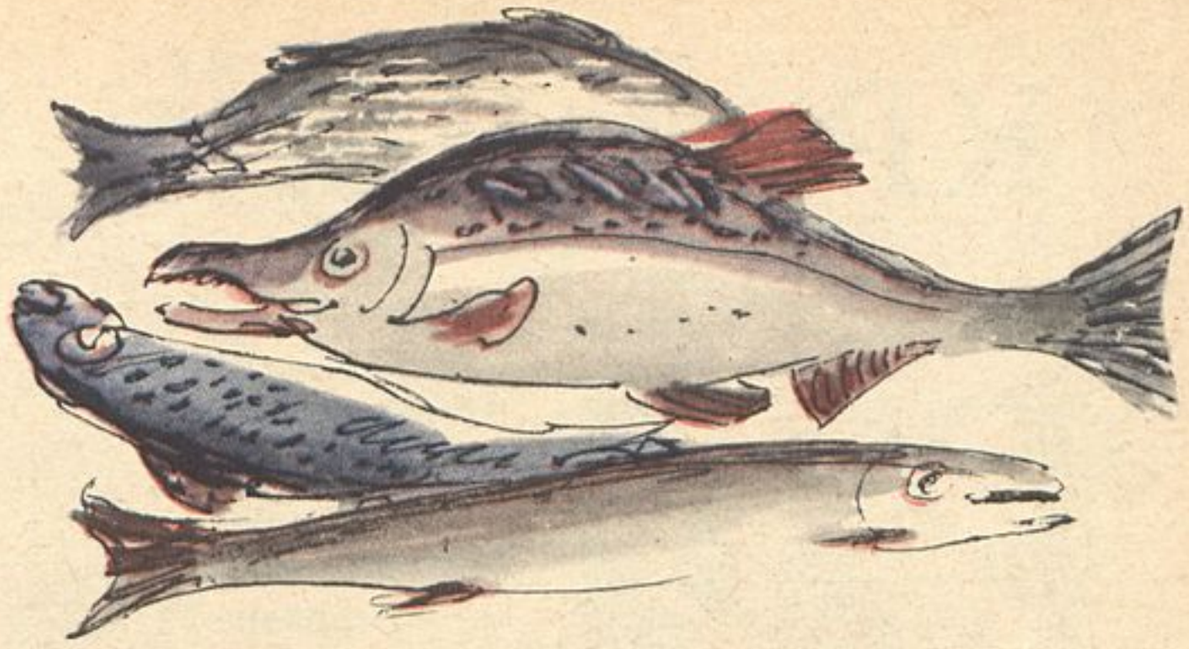
И вот люди решили прийти сёмге на помощь. В рукаве Умбы была взорвана скала, расчищено дно, и на берегу построен был маленький рыбоводный завод.

Течение здесь спокойное, сёмга охотно заходит в рукав и попадает в садки. Там она и стоит месяцами, дожидаясь срока.

Уютно здесь! Горы подступают со всех сторон. Вьётся дымок из домика рабочих. Утки пролетают вдоль реки и скрываются за поворотом. Невдалеке стоят два широких, длинных и низких барака — это цехи. В цехах по бетонным мелким бассейнам течёт чистая вода. Зимой её подогревают. В цехах тихо и сумрачно, над бассейном положены доски, чтобы ходить.

Вот сюда-то и привозят с Амура икру горбуши, здесь её рассыпают тонким слоем по сеткам, ставят в тёплую проточную воду, и через десять дней из икринок вылупляются мальки. Они так малы, что еле заметны на глаз, но сразу начинают искать пищу, и их кормят растёртой тресковой печенью.

Горбуша растёт быстро, через месяц она уже размером с палец, и её можно выпускать в море. Да её и нельзя не выпускать! Через месяц все мальки горбуши стискиваются, стесняются возле сеток, преграждающих выход из бассейна, — так хотят в море! И если их не выпустить, подавят друг друга. Только немногие не хотят никуда идти, разгуливают в одиночестве по опустевшим бассейнам, и таких мальков рабочие со смехом называют «лодырями».



Мальки выкатываются в море и там уж растут сами, расходятся вдоль всех берегов, и через года два, смотришь, рыбаки начинают вылавливать взрослую горбушу где-нибудь на северном берегу Кольского полуострова.

Я давно уехал с севера, побывал в разных местах, и со мной много случилось разного. Да и не только со мной — кончилось лето, собраны урожаи, выстроены тысячи домов по всей стране, и мало ли чего случилось у нас всех за это время. А сёмга всё стоит и стоит в садках, и не может есть, и ждёт великого часа, когда придёт пора метать икру.

Я пишу рассказ в середине октября и воображаю, как там, наверное, холодно, в этой Умбе! Гористые берега давно покраснели, а теперь небось и краснота пропала, всё облетело, снежком запорошило морщины гор. И чаша в горах, где на берегу реки стоит рыбоводный завод, наверное, по утрам наполняется синим сосновым дымом от печек. Рабочие выходят утром, зевают, поёживаются от утреннего озноба и принимаются за работу. Они берут из садка сёмгу, сёмга бьётся, брызгает холодными каплями в лица рабочим. Но рабочие знают своё дело, быстро выжимают из сёмги икру, раскладывают тонкими слоями по сеткам и ставят в инкубатор — в тёплую проточную воду.

Так и будут брать у сёмги икру до конца октября, а зимой, когда вы учитесь в школе, решаете задачи, в бассейнах, далеко на севере, на реке Умбе будут плавать тысячи сёмужьих мальков размером с мизинец, и вода к ним будет течь из чистого тундрового озера далеко в верховьях реки.

Так люди приходят на помощь природе.

КРАСНЫЙ ЧЕРНОМОР

Сергей АЛЕКСЕЕВ *Рис. В. ЛОСИНА*

Красная Армия гнала белых.

Враги засели в Крыму, укрепились на Перекопе — узкой полоске земли, единственном месте, которое открывает дорогу в Крым. Стояла глубокая осень. Спокойны, не волнуются белые.

«А что, если обойти Перекоп? — решил командующий Южным фронтом Михаил Васильевич Фрунзе. — Ударить по белым не с суши, а с моря, переправиться войскам через мелководный залив Сиваш».

Рассказал Фрунзе про свой план командирам. Понравился им отважный план.

На следующий день в штаб было приглашено несколько крестьян-старожилов. Фрунзе решил посоветоваться. Крутился в это время около штабной избы мальчишка Фомка Кочкин. Интересно ему: зачем это красный командир к себе стариков вызвал? Когда прибывшие входили в избу, Фомка шмыгнул следом — и сразу же юрк за печку. Притих, не шелохнётся.

Слушает Фомка, о чём говорит Фрунзе, глаза разгораются. Вот это да! Вот это дела! Представляется ему, как войска идут через Сиваш, вспоминается сказка про Черномора и про тридцать три богатыря. Аж дух перехватывает. Понравился Фомке красный командир: а вдруг он и есть Черномор настоящий?

Выслушали старики Михаила Васильевича, задумались.

— Не бывало такого, — наконец произнёс первый.

— Время позднее, море студёное, — проговорил второй.

— Ветры в осень опасные, — заговорил третий.

Смотрит Фрунзе на стариков, понимает, что имеется дорога через Сиваш. Только старики на то и есть старики: где же стариковская мудрость, если сразу про всё сказать?

И Фомка слушает стариков. Эх, эх, отговорят бородатые красного командира! Не пойдут тогда красные через Сиваш. Не видать тогда Фомке такого чуда.

— Значит, не советуете?

— Да как тут сказать... — мнутся старики. — Конечно, сухопутьем оно надёжнее.

Улыбается Фрунзе. Понимает, что дело идёт к концу, подзадоривает:

— Значит, вы против?!

Не выдержал Фомка, испугался, что старики будут против.

— Можно, можно через Сиваш! — закричал из-за печки. — Там броды проходимые есть!

Все встрепенулись. Фрунзе вышел из-за стола. Услышал Фомка шаги, съёжился, опустил глаза, а потом тихонечко поднял. Смотрит: стоит перед ним красный командир, улыбается.

— Броды, говоришь, есть? — переспросил Фрунзе.

— Есть, есть, — зачастил Фомка, — там летом наша тёлка прошла. Там пастухи до самого Крыма ходят.

— Ну, раз тёлка прошла, тут дело серьёзное, — рассмеялся Фрунзе, повернулся к старикам: — Так как же, товарищи?

Старики переглянулись. Недовольно покосились на Фомку: опередил, мол, паршивец. Но вот один из них крякнул, провёл ладонью по бороде:

— Оно, конечно, попробовать можно.

— Да разве без риску в деле большом бывает?

— Бог милостив, Михаил Васильевич.

— Вот и хорошо. Спасибо, товарищи, — проговорил Фрунзе.

Целый день Фомка без устали рассказывал дружкам о красном командире: «Умный он. Голова у него большая». Потом переходил на шёпот: «Он Черномор... Только тот был ничейный, а этот красный».

Ребята смотрели на Фомку, разинув рты.

Стали они караулить, когда же войска пойдут через залив. Только не увидели ребята. Проспали. Войска пошли ночью. На рассвете 8 ноября 1920 года ворвались они в Крым.

ГОРОД В МОРЕ

(Продолжение)

Виктор ГОЛЯВКИН *Рисунки автора*

НУЖЕН ЯШИН, А ЕГО НЕТ

— Ну, слезай, — сказал шофёр, — приехали.

На дверях дома — дощечка. Я успел только слово прочесть: УПРАВЛЕНИЕ. Остальное я не успел прочесть. Шофёр меня привёл в комнату. Спросил:

— Яшин здесь?

— Нет Яшина, — сказала девушка.

— А где он? — спросил шофёр.

— Он был здесь, — ответила девушка.

Тогда я сказал:

— Это я Яшин.

— Ты Яшин? — удивилась девушка.

— Я Петя Яшин. Честное слово.

— Так, значит, ты Яшин Петя? Тебя ищет папа?

— Нужен Яшин, — сказал шофёр. — На буровую. Срочно. Где он?

— Не знаю, — сказала девушка. Она сняла трубку телефона и стала звонить по разным номерам и спрашивать Яшина.

Потом она положила трубку, сказала:

— Нигде нет Яшина.

Шофёр сказал:

— Бьёт фонтан. Нужен Яшин.

Она опять позвонила. И снова сказала:

— Его нигде нет.

— Возьмите ребёнка, — сказал шофёр. — Где же Яшин? — Он выбежал, хлопнув дверью.

Значит, мой папа укрощает фонтаны! Я очень гордился папой.

— Ты не бойся, — сказала девушка. — Вот возьми яблоко. Ешь. Скоро папа придёт. Только ты очень грязный...

— А я в первом классе учусь! — сказал я.

— Замечательно, — сказала девушка.

Она встала и вышла куда-то.

А я остался. И стал смотреть в окно.

ЧТО Я УВИДЕЛ В ОКНО

А в окно я увидел катер. Он стоял как раз напротив. Я такой катер нигде не видел. С капитанским мостиком.

На палубе двое ели арбуз. Один был усатый, другой без усов.

Усатый увидел меня. Стал смеяться. И показывать на меня пальцем. И другой стал смеяться.

И всё потому, что я грязный. Вот что значит быть грязным!

— Иди, — говорят, — сюда, иди!

— Не могу, — говорю. — Я папу жду.

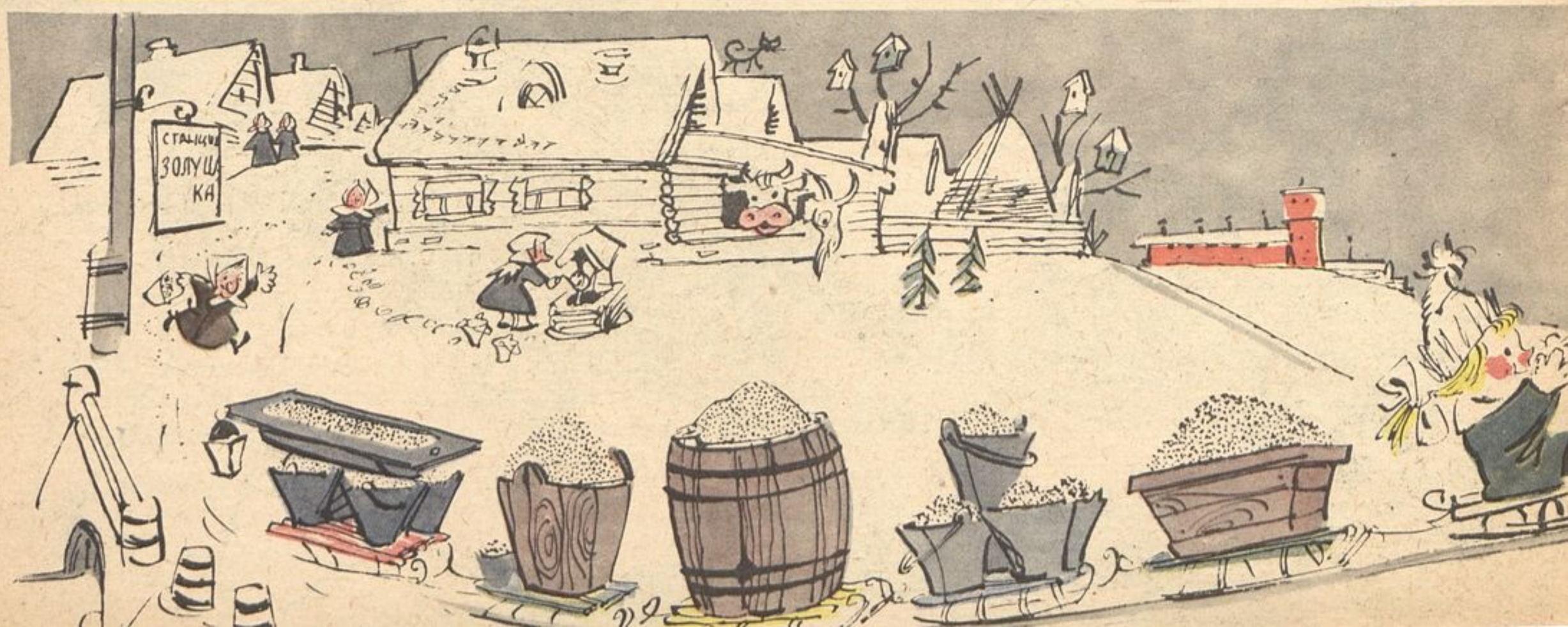
Они машут мне. Мне очень на катер хочется. Но вдруг опять потеряюсь? А катер какой! С капитанским мостиком! Ну что за катер!

— Сейчас, — говорю.

Написал на листке:

ПОШЁЛ НА КАТЕР.

И оставил листок на столе.



ВАСЯ И ВЕНЯ

Я спустился по лесенке к морю. На маленькую площадку. И прошёл по трапу на катер.

Мне дали большой кусок арбуза.

— Меня зовут Вася, — сказал усатый. — Могу тебе якорь дать. Золотой. Дарю.

Он дал мне блестящий маленький якорь.

— Насовсем дарите? — спросил я.

— Насовсем.

— А ты что дашь мне? — спросил я другого.

— Меня зовут Веня, — сказал другой. — Я тебе ничего не дам.

— Почему?

— Потому что ты просишь.

— А Вася мне якорь дал.

— Ты у него не просил, он и дал. А попросил бы, он тоже не дал бы. Неудобно просить. Ты что это, не знаешь?

Я молчал.

— Ну вот и хорошо, — сказал Веня. — Не просишь. За это теперь что угодно проси. Я весёлый. Могу тебе зайцем мяукнуть.

— Ха! — сказал я. — Разве заяц мяукает?

— Бывает, — сказал Веня, — всё бывает.

— Неправда.

— Факт, неправда, — сказал Вася. — Он так. Просто он весёлый.

Никогда я не видел таких весёлых!

КОТ, КОТОРЫЙ ПЛАВАЕТ В МОРЕ

— Познакомьтесь-ка, — говорит Веня. — Лошадь. — Он подводит ко мне кота за лапу. Кот стоит на задних лапах.

— Он не лошадь, — говорю я. — Я ведь вижу, что это кошка.

— И мы видим, — говорит Веня.

— Мы тоже видим, — говорит Вася. — Но тем не менее он всё же Лошадь. Его так зовут. Так что он в общем кот, хотя и Лошадь.

— Ну и ну! — сказал я. — Вот так кот!

— Редкий кот. Часто плавает в море.

— Без лодки?

— Конечно, без лодки. Плывёт, как моторка.

— Сам?

— Факт, сам.

— Не может быть!

— Ну-ка, Лошадь, нырни!

Кот пошёл на нос катера — и... бултых в воду!

И поплыл. Даже не обернулся.

— Куда он? — спросил я.

— Может быть, в Иран. Любит разные страны. Морская душа!

Я смотрел вслед коту.

— Ешь арбуз, — сказал Веня.

— Всё плывёт, — сказал я. — Плывёт Лошадь...

— Ешь арбуз, — сказал Веня.

ВЫШКА В МОРЕ

— Покатайте меня, — попросил я, — на катере.

— Ешь арбуз, — сказал Веня. — В другой раз. Видишь, вон островок вдали? Это вышка в море. Люди там тоже работают. Мы их на работу отвозим. И с работы тоже. Вот сейчас капитан придёт. И отправимся.

— Вот бы мне туда съездить!

— Тебя ждут. Вон в том окошке.

— Никто там не ждёт меня! Честное слово!

— Ну, ты только не ври. Вот, бери арбуз. И заходи. Не стесняйся.

И они спустились по лесенке. Внутрь катера.

(Окончание следует)

Станции «Золушка»
И «Уголёк» —
Санному поезду
Путь недалёк,
Вёдра, кадушки
Везём по селу,
Мы для полей
Собираем золу.

Рис. А. ЕЛИСЕЕВА, М. СКОБЕЛЕВА

МОЙ МЯЧ

Евгений ПЕРМЯК *Рис. В. ПЕРЦОВА*

Ну до чего же хороший мяч прислал дедушка из Москвы своему внуку Алику! Не наглядится Алик. Уж такой-то красивый мяч, что и рассказать невозможно.

Половина мяча синяя-синяя, как небо в ясный день. Другая половина красная-красная, как летняя заря. Поясок у мяча золотистый-презолотистый. А весь он такой блестящий, такой лакированный, что в нём и окошки, и электрические лампочки, и Аликово лицо отражаются, как в зеркале.

Величиной мяч с арбуз. Даже больше арбуза. Все любуются мячом. И папа и мама, а уж про ребят и говорить нечего. Гладят мяч, как щенка или кролика.

— Осторожнее, — просит их Алик. — Лак сотрёте. Он потускнеет и не будет блестеть.

Ребята попризадумались. Перестали гладить мяч. Только один спросил:

— А для чего же тогда нужен мяч, если его даже трогать нельзя?

— Мало ли для чего,— ответил Алик.— Он и в сетке может висеть над моей кроватью. Мой мяч, и я любоваться им буду.

Долго ребята уговаривали Алика поиграть с ними красивым мячом. Разные игры предлагали. Интересные. На свете много придумано разных игр с мячом. И Алику тоже хотелось поиграть, да мяч жалко.

Вот так и висел мяч в сетке на стене. Долго висел и отражал в себе Аликово лицо. А тот только пыль стирал с него мягкой тряпочкой. Не играл мячом. Лак жалел.

А время шло да шло...

Как-то посмотрел Алик на мяч и заметил, что весь он в тонких трещинках.

— Мама, что это с ним?

Мама посмотрела на мяч и сказала:

— Никак пересох он в комнате.

Тогда Алик решил протереть мяч водой. Умыть. А от этого ещё хуже стало. Лаковая плёночка мяча начала скручиваться мелкими чешуйками и шелушиться. Но на счастье дедушка приехал из Москвы. Дедушка умный. Он может хороший совет дать.

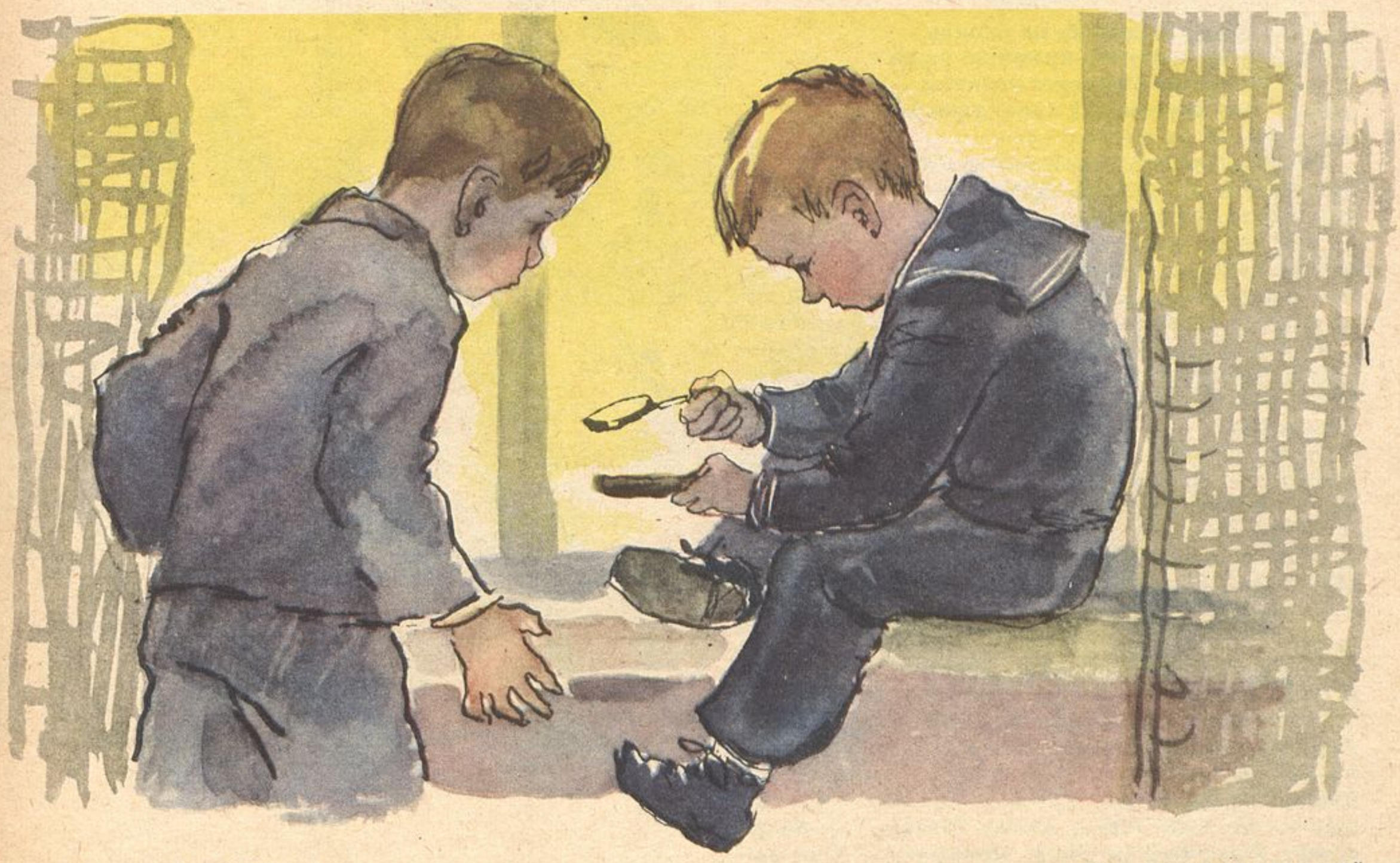
Посмотрел дед на мяч, потрогал его, а мяч как пустой кошель. Воздух из него через трещинки вышел.

Порасспросил дед у внука, как тот обращался с мячом. И когда рассказал Алик всё как есть, дед покачал головой. Потом почему-то вздохнул и сказал:

— Долго прожил твой мяч, да зря жил. Никому радости он не принёс, а мог бы...

Тут дед умолк. И Алик умолк. И мы умолкнем. Потому что говорить больше не о чем, а подумать есть над чем...

СОЛНЕЧНЫЙ РИСУНОК



Анатолий АЛЕКСИН *Рис. Е. АФАНАСЬЕВОЙ*

Всё утро Дима учил наизусть стихи, чтобы выступить на утреннике в подшефном детском саду. Но так как одновременно он то и дело выглядывал во двор, где ребята гоняли футбольный мяч, стихи никак не запоминались. Дима решил прогуляться по квартире и отправился на кухню, которую он любил, потому что она выходила окнами на самую что ни на есть солнечную сторону. Там Дима увидел своего соседа Андрюшу. Тот с ногами забрался на подоконник. Андрюша сосредоточенно сопел и так разомлел на жаре, что на лбу у него бусинками дрожали капельки пота. В одной руке он держал деревянную дощечку, а в другой — увеличительное стекло.

— Ты чего? — спросил Дима.

— Да вот... выжигаю по дереву...

Дима подошёл поближе — и увидел на аккуратном деревянном квадратике целую картину: стая голубей стремительно взлетала ввысь.

— А ты чего? — в свою очередь, осведомился Андрюша.

— Учу стихи — и не выходит... — ответил Дима. А потом вдруг добавил строчку из стихотворения, которое никак не запоминалось:

«Там чудеса, там леший бродит...»

«Учу стихи — и не выходит...»

«Там чудеса, там леший бродит...» — повторил Дима и очень обрадовался: получилось в рифму, чего он никак не ожидал.

Он подумал, что и сам, наверно, может сочинить стихотворение.

— Пойду-ка я в комнату, что-нибудь посочиняю, — сказал Дима.

— Давай! — машинально согласился Андрюша, весь погружённый в свою работу.

Он разговаривал с Димой, как равный, хотя ему было всего семь лет, в школу собирался он только осенью, а пока ходил в старшую группу детского сада.

Для начала Дима разрисовал края тетрадного листка в клеточку головками людей и фигурками каких-то хвостатых животных, породу которых трудно было определить. Он знал, что так именно обрамляли свои рукописи великие писатели и поэты. Это Дима сделал довольно быстро, а потом... Потом он задумался: о чём сочинить стихи? Поразмыслив немного, он вновь отправился на кухню. И там ему показалось очень забавным, что Андрюша рисует картинку без кисточек, без красок и карандашей, — всё это ему заменяют яркие солнечные лучи. Своё первое стихотворение Дима решил так и назвать:

«Солнечный рисунок». Вскоре оно появилось на листке в клеточку:

Сидит Андрюша на оконце,
Весь красный, прямо до ушей.
Рисунок он рисует солнцем —
Без красок, без карандашей...

Опершись одной рукой о газовую плиту, а другую взметнув в воздух, Дима с выражением прочитал своё первое произведение.

— А почему это я сижу «на оконце»? — удивлённо спросил Андрюша. — Оконце — это значит маленькое... А у нас окна вон какие огромные: мама говорит, что их мыть — одно мучение!

— Ха-ха, какой ты смешной! — Дима покровительственно похлопал своего соседа по плечу. — Не понимаешь ещё: ведь иначе рифмы не получится!

— А почему я «весь красный, прямо до ушей»? — продолжал допытываться Андрюша. — Тоже для рифмы?

— Да нет, это уже взаправду! Посмотри на себя в зеркало! Ты даже потный немножко... Но об этом я писать не буду!

— Да уж... Ты лучше о чём-нибудь другом напиши.

Задетый Андрюшиными замечаниями, Дима решил придраться и к его рисунку тоже:

— А зачем эти голуби нужны? Их уже рисовали, рисовали... Надоело даже.

— У меня не просто голуби, — вытирая рукавом курточки пот со лба, возразил Андрюша. — Ну, не такие, каких Митька во дворе гоняет... Это голуби мира. Понимаешь? Они высоко в небе летают... А там, внизу, под ними, люди идут со знамёнами... И ребята тоже несут флажки: «За мир! За дружбу! Против агрессоров!..» И люди борются с поджигателями войны, с которыми все... ну, прямо все на земле должны бороться! И мы с тобой тоже должны... Только этого на моём рисунке не видно: у меня всё дело в воздухе происходит. Понимаешь?

Диме в голову пришла новая идея: а не написать ли стихи о борьбе за мир? И ещё про детей разных стран?!

Он стал подбирать рифмы к слову «дети»: «эти», «на рассвете», «на планете»... Последняя рифма ему понравилась. И скоро сочинились стихи:

Пусть счастливы будут все дети,
Все дети на нашей планете!
Пусть счастливы будут все люди
И войны никогда не будет!

Только вечером вспомнил Дима о том, что председатель совета отряда Сеня Игнатушкин накануне предупредил, чтобы в понедельник утром все принесли в школу, как он выразился, «какие-нибудь плоды своего труда». Сеня любил говорить по-взрослому. Но таких «плодов» у Димы, к сожалению, не было. Он уныло поплёлся в ванную комнату, которую в квартире называли «Андрюшиным царством»: там, на полочке,

были аккуратно сложены плоскогубцы, гвозди, молоток, напильник, шурупы... Димин сосед, несмотря на свои семь лет, был, как говорится, «мастером на все руки». Он чинил куклы всем девчонкам в подъезде и чуть ли не каждый день ремонтировал свой трёхколёсный велосипед. Ездить на велосипеде Андрюше почти не приходилось: им пользовались все ребята во дворе, и до него самого никак не доходила очередь.

Сперва Дима взялся за деревянный чурбак, который тоже валялся в ванной. Но вскоре он понял, что знаменитого папы Карло из него не выйдет и никакой потешной куклы, вроде длинноносого Буратино, ему из чурбака не смастерить...

Тогда Диму осенило. Он помчался на кухню к Андрюше. Но соседа там уже не было: солнце зашло за крыши домов и уже не могло служить краской, кисточкой или карандашом...

Дима отыскал своего соседа во дворе: тот помогал дворнику умывать и охлаждать разгорячённый асфальт, что тоже было его любимым занятием.

— Слушай, Андрей! — начал Дима. Он назвал своего маленького соседа полным именем, чтобы сделать ему приятное. — У меня к тебе есть одна, как говорится, личная просьба... Выполнишь?

— Ага! А какая?

— Подари мне, пожалуйста, свой «солнечный рисунок», а? Ну, этот — с голубями... и с детьми, которых не видно.

На следующий день утром председатель совета отряда Сеня Игнатушкин похвалил Диму:

— Это ты молодец: голуби, мир, дружба и всё такое прочее! Прямо на тему дня! — Да, Сеня очень любил говорить по-взрослому.

— Понимаешь ли, — продолжал он, — я хочу, чтобы мы сегодня в детском саду не только устроили утренник, но и подарили что-нибудь каждому из малышей. Они ещё совсем маленькие и любят всякие там подарки. А ведь мы идём к ним первый раз... Понимаешь? Надо, чтобы они все сразу нас полюбили!

Но малыши, кажется, полюбили бы своих новых шефов и без всяких подарков: они улыбались им, предлагали свои игрушки и даже рыбок вместе с аквариумом; они радостно прыгали, бегали и почему-то кричали «ура!».

А потом шефы стали раздавать подарки: кто сколотил маленький стульчик, а кто смастерил куклу или грузовик... Но никто не дарил малышам рисунков и картин. Никто, кроме Димы... Как раз в ту минуту, когда Дима протянул воспитательнице аккуратный деревянный квадратик, Сеня Игнатушкин начал свою приветственную речь:

— Дорогие наши друзья! Когда-нибудь вы вырастете и тоже сумеете делать такие замечательные вещи, как, например, вот эта небольшая картина!..

Дима водил глазами по счастливым, сияющим лицам малышей — и вдруг... вдруг он увидел своего соседа Андрюшу.

— Да, вы тоже будете мастерами на все руки! — продолжал Сеня Игнатушкин.

А Диме захотелось присесть на корточки, чтобы спрятаться за спиной невысокого Сени. Но потом, «весь красный, прямо до ушей», Дима тихо сказал:

— Я... я хочу объяснить, что тут получилось...

Андрюша ничего не дал объяснить: он выбежал вперёд и громко затараторил:

— А у Димы ещё есть стихи! Он вчера сочинил на кухне. У-у, такие стихи! Я их почти наизусть знаю...

— Нет, пусть уж Дима сам почитает, — остановила Андрюшу воспитательница.

И Дима прочитал громко, с выражением, ещё лучше, чем вчера на кухне. А потом добавил:

— Эти стихи я дарю вам уже от себя...

— Как? А рисунок от кого?..— не понял Сеня.

— А рисунок?.. Рисунок... Это Андрюша нарисовал.

— Как?! — изумился Сеня. — Вот этот маленький?!

Андрюша вдруг вновь торопливо заговорил:

— А мы так и хотели... Мы так нарочно придумали: я рисую рисунок, а Дима для него стихи сочиняет... Знаете, как бывает: картинка, а под ней — стихи. Я сам видел... Вот и мы тоже решили...

* * *

Сейчас уже Андрюша пошёл в школу — в ту самую, где учится Дима. По утрам они вместе выходят из дома. А в детском саду и до сих пор висит на стене «солнечный рисунок»: стая голубей, стремительно взмывающих ввысь. А под рисунком — стихи:

Пусть счастливы будут все дети,
Все дети на нашей планете!
Пусть счастливы будут все люди
И войны никогда не будет!

ДЁТСКИЕ СТРАНИЦЫ

У КАКОЙ РЫБЫ ОБЕЗЬЯНИЙ ХВОСТ?

И не подумаешь, что морской конёк рыба. Всё у него не так, как у рыб.

Чешуи нет, а костяные пластинки будто у крокодила. Хвостик цепкий, как у обезьянки. Голова как у сказочного конька-горбунка. Плавник только один: спинной, похож на веер.

Рот у морского конька трубочкой. В эту трубочку, как в пылесос, засасывает он вместе с водой свою добычу — рачков разных и червячков.

Позавтракав, морской конёк возвращается в водоросли. Там становится «на якорь» — обвивает хвостиком стебелёк и замирает в позе шахматного коня.

Был бурый, а попал в зелёные заросли — сразу позеленел. Морской конёк может быстро перекрашиваться. Это чтобы враги не заметили.

Не о себе одном морской конёк беспокоится: у него потомство «за пазухой». В особом мешочке на брюхе лежат икринки. Икру вынашивают не самки, а самцы. Заботливые рыбёшки!

Игорь АКИМУШКИН

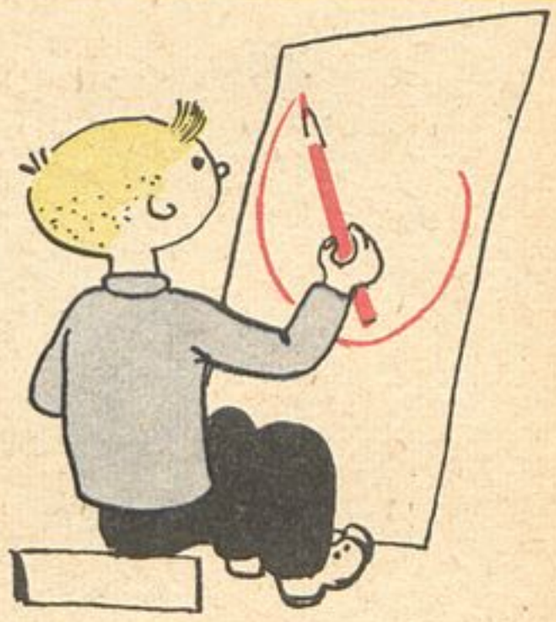
Юные художники!

Знаете ли вы, что, смешивая краски, можно получить новые цвета:

синяя + жёлтая = зелёная

красная + жёлтая = оранжевая

красная + жёлтая + чёрная = коричневая



Ребята!

Хотелось бы вам знать, как выглядели раньше дети, какая была у них одежда?

Посмотрите на эти рисунки!

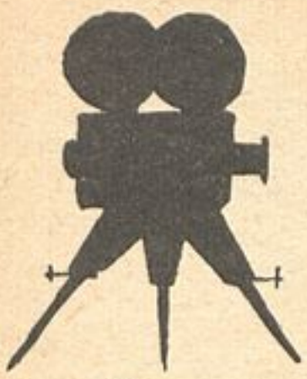
Вот какая была мода в Англии и Франции в далёкие времена.

Рис. В. АРАЛОВОЙ

— У него, наверно, свинка!
— Нет, не свинка и не корь.
Воротник такой
на шее
Заставлял носить король!

Длинное платье
Закрывает пятки,
В нём не поиграешь
Ни в салочки,
ни в прятки!
Проводили девочки
Скучные денёчки,
Трудно было маму
Отличить от дочки.

Д. ПАТТЕРСОН



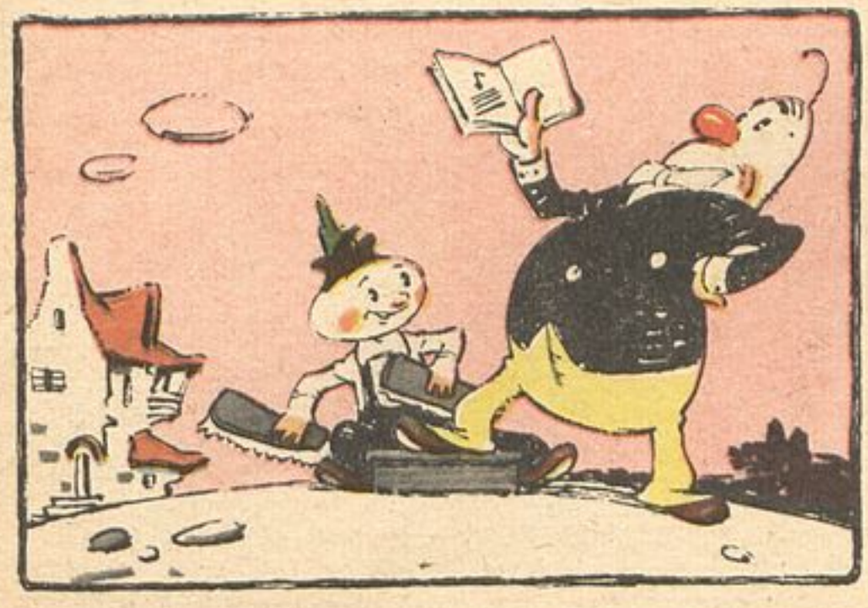
Это кадры из нового мультипликационного фильма «Чиполлино».

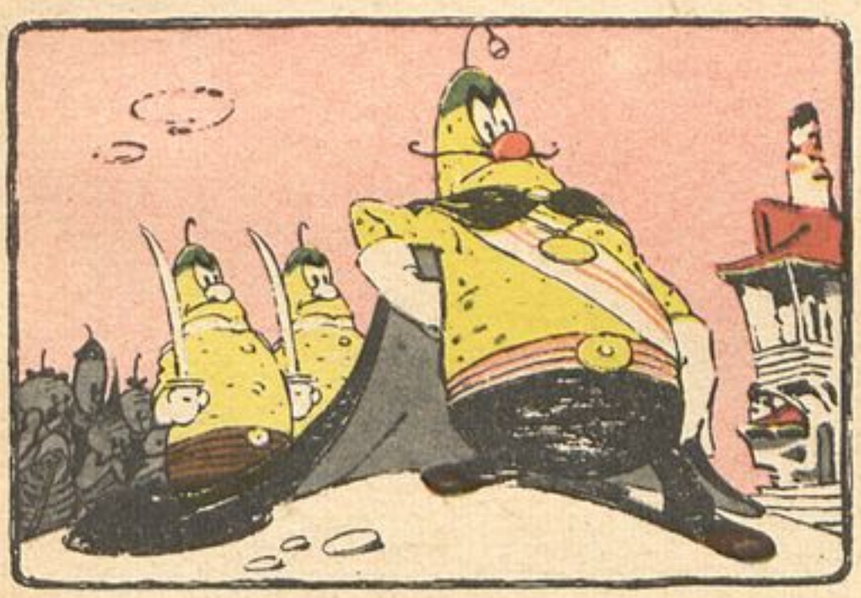
Ребята из Ленинграда и Минска, Ростова и Смоленска, Кишинёва и других городов, прочитав сказку Джанни Родари «Приключения Чиполлино», прислали много писем на киностудию «Союзмультфильм». Они просили сделать картину о мальчике-луковке.

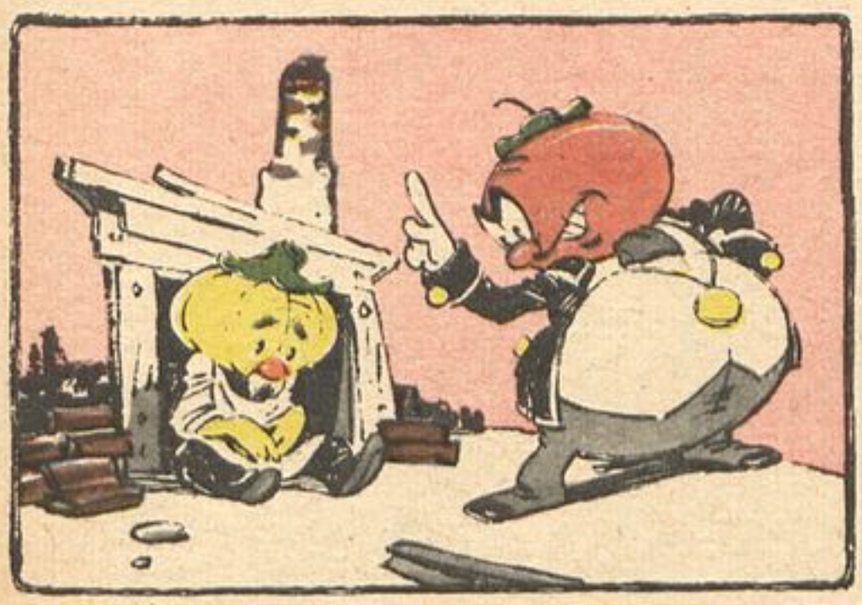
Ваше желание, ребята, мы выполнили.

Фильм «Чиполлино» вышел на экраны. И вы снова встретитесь с мальчиком-луковкой и его друзьями, которые дружно боролись за справедливость, против жадного, злого принца Лимона.

Р. ФРИЧИНСКАЯ, редактор студии



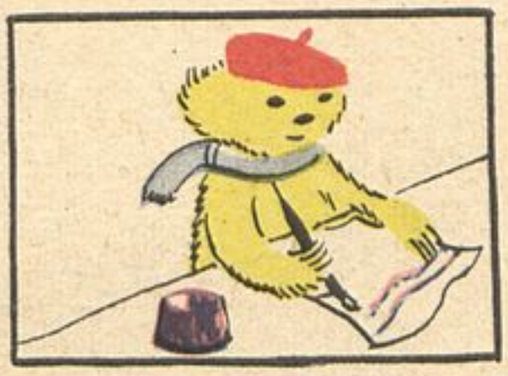


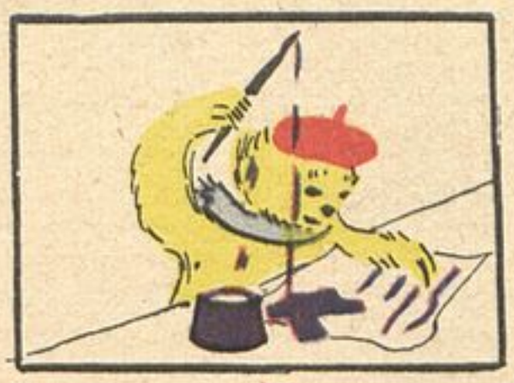


МУРЗИЛКА ПИШЕТ ПИСЬМО

Внимание! Внимание!

Выпущена новая санитарная машина. Заболевшие куклы, мишки и зайцы удобно доедут в ней до ближайшей больницы. Игрушку продают в московском магазине „Детский мир“.





КОЛОМЕНСКАЯ ВЕРСТА

Иногда высокого человека в шутку называют коломенской верстой.

Почему верста и почему именно коломенская?

Сейчас расстояния от города до города или от деревни до деревни измеряют километрами. А в старину у нас в России расстояния измеряли вёрстами. Часто была неразбериха. Это потому, что в разных местах вёрсты были разные. Тут больше — там меньше. Рассказывают, например, такие шутки: встречаются двое, и спрашивает один другого: «А сколько вёрст от мельницы до котельницы?» Тот отвечает: «От мельницы до котельницы три, а если наоборот, от котельницы до мельницы, то и все пять будут».

И вот однажды царь Алексей Михайлович, у которого был недалеко от Москвы, в селе Коломенском, загородный дворец, приказал намерить точные вёрсты до села. Вёрсты намерили и поставили столбы. Столбы были длинные. Отсюда и пошла поговорка: «длинный, как коломенская верста», то есть как столб на коломенской дороге.

Г. ЦЫФЕРОВ

На обложке рисунок Т. ЕРЁМИНОЙ

Редактор **А. МИТЯЕВ**

Редколлегия: **З. Александрова, А. Барто, Л. Виноградская, Л. Воронкова, А. Ермолаев, Н. Емельянова, Е. Ершова** (зам. редактора), **М. Коршунов, Ю. Коринец, С. Маршак, Ю. Нагибин, К. Орлова** (ответственный секретарь), **Е. Рачёв**

Художественный редактор **Ю. Молоканов**
Технический редактор **Л. Прозорова**

Год издания тридцать восьмой. Цена 10 коп.

Подп. к печати 10/II 1962 г. Бумага 60×92¹/₈. Печ. л. 3 (3). Уч.-изд. л. 2,8. Тираж 1 000 000 экз. Заказ 2595.

Адрес редакции и типографии «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия»: Москва, А-30, Сущёвская, 21.
Телефон: Д 0-45-08.

Г. ЦЫФЕРОВ
Рис. Е. МИГУНОВА

Длинный жираф пошёл гулять.

Идёт, видит: у колодца ребята стоят. Носами в колодец уставились. Это они ведро уронили. Достал жираф ведро, и дальше...

А тут дом строят. Только подъёмный кран остановился. Помог жираф. Вместо подъёмного крана поработал. Потом все очень смеялись. Ну и кран, весь в веснушках!

На дереве скворечник висит. На земле птенец пищит: «Пипи, помогите!» Он из скворечника выпал. Поднял жираф птенца, посадил в скворечник. Он опять пищит: «Спасите!» Значит, «спасите» со «спасибо» перепутал.

На переезде шлагбаум испортился. Пока шлагбаум чинили, полосатый жираф делал зарядку. «Раз-два-три».

На железной дороге он вместо семафора работал.

А потом в весёлом городе, где ходил жираф, мальчики и девочки флаги вешали. Был октябрятский праздник. Помог им жираф флаги развесить. Они ему бинокль подарили.

И теперь жираф не просто жираф, а «пожарник». Стоит жираф на пожарной каланче и в бинокль смотрит. Только однажды ошибся. Увидел красное, думал, пожар, а это солнышко в речку село.